

MAPTA
KETPO

Редакционно-издательская группа

«Жанровая литература»

представляет книги

МАРТЫ КЕТРО

Бродячая женщина

Горький шоколад. Книга утешений

Госпожа яблоч

Женщины и коты, мужчины и кошки

Жизнь в мелкий цветочек

Знаки

Искусство любовной войны

Как сделать так, чтобы тебя любили. (В Интернете)

Книга обманов

Лимоны и синицы

Магички. Орден Воробьиного сыщика

Московские фиалки

О любви

Осенний полет таксы

Песни о жестокости женщин, мужском вероломстве

и общечеловеческой слабости

Письма Луне

Справочник по уходу и возвращению

Три аспекта женской истерики

Улыбайся всегда, любовь моя

Умная, как цветок

Хорошенькие не умирают

Хоп-хоп, улитка

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ:

Вздохнуть! И! не! ды! шать!

Зато ты очень красивый

Лисья честность

Мартовские коты

Плохие кошки

Психи и психологи

Скажи!

МАРТА КЕТРО

ХОРОШЕНЬКИЕ
НЕ УМИРАЮТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К37

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Легенда русского Интернета»

Иллюстрация на переплете, шмуцтитутлы — *Ева Ракова*

Кетро, Марта

К37 Хорошенькие не умирают: /Марта Кетро. — Москва: АСТ, 2016. — 256 с. — (Легенда русского Интернета.)

ISBN 978-5-17-098997-3

Новая книга Марты Кетро о путешествии, как внутреннем, так и физическом. Что чувствует человек, покидая одну страну и переселяясь в другую? Переходя в новый возраст? Теряя старую любовь и обретая новую? Здесь вы найдёте ответы на эти вопросы, а ещё - ароматы весны, манго и моря, много солнца, яркие переживания и свежий взгляд на самые обыденные вещи. Потому что человек, закончивший определённый этап жизни, открыт для мира и беззащитен перед ним, как новорожденный.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© М. Кетро, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Насвма
Бесценному М.

*С благодарностью бесценному М.,
лучшему возлюбленному,
которого у меня когда-либо не было.*

- Скажи мне что-нибудь на прощание.
- Я буду писать тебе.
- Не то.
- Я не вернусь.
- Не то.
- Они положили сырой порох, Марта.

Письма № 0

С рассеянностью надо что-то делать. Прочитала, что в Будапеште существует кафе с домашними котиками, которых дают тискать. Ой, думаю, какая прелесть, а где это? Науглила адрес, потом из интересу полезла на Эйрбиэнби поглядеть, нет ли квартир поблизости, спросила там у одной девочки, свободно ли у неё на Рождество. Свободно, ответила она мгновенно. А вот, думаю, есть ли билеты сейчас туда? А есть. Поиски заняли полчаса, ещё столько же ушло на оплату всего.

Примечательно в этом лишь одно: в цепочке моих действий отсутствует момент обдумывания. Вижу-могу-исполняю. Даже в трепетную минуту, когда нужно было вводить номер карты, я подумала только: Будапешт! «Безымянная звезда»! Мона! Она же приехала в ту провинциальную степь из Будапешта, он шикарный, и мне туда точно надо! И с тем набрала циферки.

Марта Кетра

Потом полезла посмотреть метеопрогноз, и тут... И тут, понимаете...

Эта гадюка Мона была из Бухареста. А я — в Будапешт. Это разные города и несколько разные страны. Только погода паршивая и там, и там.

Выходит, я улетаю просто для того, чтобы до конца декабря отсыпаться и гладить посторонних котиков, а не совершать хадж на родину любимого женского кумира.

Впрочем, ходят слухи о купальнях, Королевском дворце и рождественских базарах, о маковых пирогах и красивых венграх. Мне-то казалось, венгры маленькие и постоянно пляшут чардаш, а это не соответствует моим ожиданиям от мужчин. Поселюсь рядом с Академией Листа. Около кафе с котиками — базилика Святого Иштвана. Буду гладить, молиться и писать нежные письма тому, кого никогда не видела.

Бесценному М.,
в Небесный Серпухов, с любовью.

Письмо № 1 о музыке души и мясе тела

Бесценный друг М.

Простите, что не ответила на ваше Первое Письмо сразу же, но я уезжала, уезжала, и только теперь уехала, и спокойно могу писать из своего ниоткуда в ваше никуда.

Более всего в послании вашем мне нравится, что мы с вами ещё не познакомились, а вы уже тщательно обдумали план расставания. Полагаю, это самая главная часть отношений, потому что, входя куда бы то ни было, я первым делом озираюсь, прикидывая, как буду из этого выбираться, когда всё станет рушиться, и сердце моё заметно успокаивается, если вижу более одного выхода. Добрые люди называют это шизоидной акцентуацией, я же — трагическим мышлением, из которого извлекаю много пользы. Например, перед отъездом мне рассказали, что есть в Венгрии такой Секешфехервар (это не матом, а городок),

там замок, а в нём висит меч, и если под ним пройдёт кто-нибудь не верящий в вечную любовь, меч упадёт и перерубит его пополам. Я как узнала, сразу ошетибилась и отправила редактору три рукописи, которые не могла сдать год — потому что когда меня перерубит, это сколько ж материала пропадёт. Видите, как много удачи в том, что я не верю в вечную любовь.

Только Христом Богом прошу, милый друг, не одевайтесь вы Человеком-пауком, а то при виде пауков я нервничаю и рефлекторно выливаю на них стакан воды: подумайте, как это изгадит нам прощание. Кроме того, я сильно склонна к обесцениванию, и даже если меня полюбит Бэтмен, немедленно пойму, что дошла до мышей. Нарядитесь-ка вы лучше Суперменом, который, как известно, произошёл от Суперобезьяны; красные трусы поверх трико удивительно пойдут к вашим глазам.

Кстати, какого они цвета?

Я теперь в Будапеште и по городу перемещаюсь в поисках мяса, а нахожу вместо него достопримечательности. Вчера, например, искала мясо, а нашла базилику Святого Иштвана. Видела окно, через которое в неё заглядывает Господь, там напротив висит картина со сценой распятия — она наверняка его забавляет. Я же зашла туда через обычные двери и немного походила, а часа в три в центре зала собрались какие-то мужики в штатском и спели «Святый Боже, Святый Крепкий», немного поржали и сбацали другое (не чардаш).

Насвима бесценногу М.

Я разобрала слова «Господи, помилуй меня, Боже», и приятно удивилась — какой, однако, понятный диалект у этих местных, а ещё ввали, будто всё на латыни. Выходя, увидела, что сегодня будет концерт мужского хора Московской Патриархии, и немедленно купила билет. Очень обрадовалась: то-то я благодати настажаю, сейчас мне католики попели, вечером православные, а в промежутке, может, в синагогу метнусь.

И только вечером, вы знаете, когда котик уселся на скрипучий стул, вытащил из-под попы листочек с программкой, нашёл там «Святый Боже» — только тогда он начал что-то подозревать.

Но на этом удивления мои не кончились, потому что хор всё пел и пел духовное, и я уже была близка поплакать, в церкви это уместно, как вдруг, после оваций, что-то произошло, и хористы разразились чем-то чрезвычайно бодрым, удивительным даже для Рождества. Я зашуршала программкой, но это не мог быть Бортнянский, не мог, не мог, не мог, — а они тем временем совершенно распоясались и грянули очевидный казачий распев с относительно приличным месту подгикиванием, без посвиста. Целых три минуты я существовала в мире, где мужской церковный хор внезапно взбунтовался, сверг регента, всем составом попросил политического убежища в «Мулен Руж» и сейчас отметит начало новой жизни канканом. Потом, конечно, все зашевелились, и котик догадался, что концерт кончился две песни назад, а это был бис. Но три минуты всё же были мои,

Марта Кетра

я провела их в той реальности, которая мне по нраву. Так постепенно и на некоторую жизнь наберётся.

Конечно, мне очень важно узнать, проживаете ли вы свои дни линейно или тоже составляете биографию из фантиков и мелкого мусора. А так у меня всё в порядке, не беспокойтесь, я научилась добывать мясо. Надо зайти в любое кафе и сказать строго: «Хай! Ду ю хэв а биф?» Официант сразу бросает свои глупости, вытягивает живот и рапортует по существу: «Ес, ай хэв а биф!» И дальше у меня всё становится хорошо.

Письма № 2

о лестницах и ярмарке

Бесценный друг М.

Как мифический персонаж мифическому персонажу скажите, а вы в меня верите? Я что-то совсем засомневалась в собственном существовании, и было бы приятно, если бы хоть вы знали точно, что я есть. Просыпалась бы утром и, прежде чем открыть глаза, думала: вот М., который не спал всю ночь и присматривал за моими снами, он в меня верит, и мой кот в меня верит, и папа тоже. Надо поэтому всё-таки их открыть, глаза-то. Они у меня когда как, то карие, то зелёные. А у вас? Вы так и не сказали, и я волнуюсь.

В прошлом декабре мне очень понравился конец света, и я теперь решила устраивать его регулярно, приблизительно до Рождества. Это страшно удобно: прикончить свет, расколотить сердце, провалиться на дно самой чёрной ночи в году, а потом в разрыве туч углядеть Вифлеем-

скую звезду, кое-как вздремнуть, соприкоснуться и начать медленное восползание к жизни.

Сердце моё разбивалось так часто, что я уже отчаялась его склеить, поэтому просто перехватываю резиночкой для денег, чтобы не рассыпалось. Зато и не трясусь над ним, как дурак над яйцом, а позволяю себе многое — например, подбрасывать и смотреть, как в нём отражается солнце. Красиво же, ну.

Влезла на базилику, позабыв, что боюсь высоты. Вспомнила на узеньком балкончике, но поглядела на четыре стороны и поняла, что бояться особо нечего, хорошо тут всё. Красные крыши, каток внизу, а сверху розовое небо, будто вот-вот весна, а не Рождество.

Ещё беспокоилась, что будет ветер, но оказалось удивительно тепло; наверное, так всегда — чем ближе к небу, тем теплей, но на земле в это поверить невозможно.

Винтовая лестница сверху похожа на аммонит (не тот, что взрывается, а головоногий). Когда спускалась, слышала снизу мужской голос, остановилась и вспомнила, как влюбилась в первый раз. Приблизительно в пятом классе приснилось, будто поднимаюсь по лестнице пятиэтажки к своей квартире и меня провожает парень, которого нельзя привести домой, только до двери. Мы идём медленно-медленно, и мне немного больно, совсем безнадежно, очень покорно и так счастливо, будто котёнка подарили, хотя оставить не разрешают. Года через четыре оказалось, что я так люблю.

Насвима бесценноу М.

И стою, значит, живьём-то сейчас, а снизу кто-то идёт, уже тень появилась. Я сфотографировала её — вдруг, думаю, он? Нет, вы знаете, опять какое-то чмо. Но секунду-другую я очень надеялась. И это всегда так, просто секунда растягивается на дни и месяцы, и всё время, пока она длится, я надеюсь.

В остальное время пробую себя в роли ярмарочного зеваки, научилась проводить целые дни на площади, и всё как раньше, когда в кармане не двадцать копеек, а целый бесконечный рупь, можно лазить и глазеть, только вместо газировки с булкой — куртош и глинтвейн. Не хватает петушка на палочке и влюбиться в уличного музыканта, но я всё обдумала и поняла, что венгерская кухня и венгерские мужчины мне заказаны. Я после этого не турист, а дерьмо какое-то, но про здешнюю еду все говорят примерно одними словами: в хорошем месте сожрать что-то мучительно жирное, как следует перекорёжиться, потом запить крепким, и после станет нормально. Я прикинула и решила сделать монтаж, чтобы в хорошем месте — и сразу нормально, без этого всего. Ну и с мужчинами та же фигня.

Вот, а теперь напишите подробно, как вы там. Вы ведь ждали меня всю жизнь, и букв, должно быть, накопилось.

P.S. А картошка у них мелкая и в скорлупе, зовётся — «гестене»*.

* На самом деле это каштаны.